

ГАЛИАТСКИЙ МОГИЛЬНИК, КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АЛАН-ОССОВ

(По материалам Северокавказской экспедиции Государственного
Исторического музея 1935 г.)

Е. И. Крупнов

Новые данные, из года в год получаемые в результате последовательных исследований культур прошлого и отдельных археологических объектов, дополняют и корректируют наши представления об этих памятниках, созданные при первоначальном ознакомлении с ними.

Если для археологических культур степной и лесостепной полосы такие признаки, как курганные, ямные, катакомбные погребения или погребения в срубах и т. д., и могут являться признаками устойчивыми, характеризующими определенную культуру определенной эпохи, то в условиях Кавказа эти признаки, как правило, теряют свою устойчивость и исключительность. Достаточно наглядно это положение можно проиллюстрировать примерами из истории исследования памятников Кобанской культуры.

Как известно, с момента первых исследований Кобанского могильника (Г. Д. Филимоновым, Б. В. Антоновичем, Э. Шантром и др.)¹ было установлено, что для кобанских погребений характерно скорченное положение костяка в каменном ящике, без внешних признаков каких-либо надмогильных сооружений. Уже последующие изыскания обнаружили наряду с погребениями в каменных ящиках и погребения в колодцах, обложенных булыжником².

Исследованиями же нашего времени установлены новые варианты способов погребения носителей Кобанской культуры. Так, например, раскопками Радищева в 1921 г. по г. Орджоникидзе типичнейший кобанский инвентарь был добыт в кургане. Курганные же погребения сопровождались кобанской бронзой и в Кабарде (раскопки Нальчикского музея)³. И, наконец, в самое последнее время кобанская бронза была обнаружена с костяками в глиняных сосудах, вскрытых в окрестностях сел. Эшери (Абхазия)⁴.

¹ Г. Д. Филимонов—Доисторическая культура Осетии; «Протоколы заседания комитета по устройству Антропол. выставки», М., 1878, № 20; Б. В. Антонович—Дневник раскопок на Кавказе. «Труды подготовительного комитета к V Археолог. съезду в Тифлисе»; E. Chantre—Recherches anthropologiques dans le Caucase. 1885—1887, t. I—IV.

² П. С. Уварова—Могильники Сев. Кавказа. МАК, 1900, вып. VIII, стр. 87.

³ А. А. Иессен—К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. «Известия ГАИМК», 1935, стр. 135.

⁴ М. М. Ивашенко—Исследование арх. памятников матер. культуры в Абхазии, Тифлис 1935, стр. 51—63.

Все, что сказано о Кобанской культуре, в равной мере может относиться и к кругу памятников раннего средневековья—VI—X вв.

На примерах способов погребения эпохи раннего средневековья как нельзя лучше убеждаешься в том, что на Кавказе, и особенно в горной его части, такие признаки, как погребения в каменных ящиках, и другие, ранее казавшиеся устойчивыми, позволявшими характеризовать собою определенные комплексы памятников, в действительности не являются таковыми.

Очевидно, при изучении культур Кавказа необходимо учитывать специфику местных условий и раньше всего каменистость почвы, острый недостаток земли, что заставляло древнее население каждый мало-мальски сносный земельный участок использовать под пашню, а не под могильник.

Учтя это обстоятельство, мы без затруднения поймем и другое—почему в последующую эпоху (II тысячелетие н. э.) все горные области Кавказа, в связи с возрастающей плотностью населения (судя по остаткам населенных пунктов), почти сплошь покрываются надземными склепами-усыпальницами в несколько ярусов, в которых в течение 3—4 столетий находили упокоение целые фамилии горцев. Подобный способ захоронения мертвых значительно сэкономил земельную площадь для живых. Все эти надземные, многоярусные склепы («каши»—у чеченцев и ингушей, «дзападзы»—у осетин, «обаи»—у дигорцев, «кашенэ»—у кабардинцев) и были вызваны к жизни земельной теснотой, которая особенно чувствовалась с возрастающей плотностью населения¹. В условиях горного Кавказа, только учтя это обстоятельство и можно понять живучесть и тысячелетнее использование меняющимся населением древнейших могильников до самого последнего времени. Лучшим примером, подтверждающим это, может служить могильник, расположенный близ сел. Галиат в Дигории (Сев.-Осетинская АССР). Обычное представление у археологов о Галиатском, равно как и соседних Камунтских могильниках, прочно ассоциируется с археологическим материалом VI—X вв., добытым первыми исследователями катакомб и каменных ящиков, вскрытых на этих могильниках. Правда, последующими изысканиями и находками (отдельные находки кобанской бронзы, регистрация надземных и полуподземных склепов XIV—XVII вв.) были внесены некоторые изменения в представление об этих могильниках, но в основном оно оставалось прежним, создавшимся при первом знакомстве с объектами.

Экспедицией Гос. Исторического музея 1935 г. на территории Галиатского могильника были вскрыты три погребения, одно от другого отделяющиеся громадными отрезками времени. Первое, скорченное погребение в грунте, по ряду признаков сближается с погребениями северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. Второе, коллективное погребение, являющееся предметом настоящей статьи, связывается с кругом памятников алано-хазарской культуры VI—X вв. и, наконец, третье, в каменном ящике, датируется концом XVIII—началом XIX в.

Уже наши раскопки 1935 г. показывают, какой широкий хронологический диапазон имеет Галиатский могильник. Как выясняется, этой особенностью отличаются многие могильники горного Кавказа.

Самый значительный Галиатский могильник расположен по склону отрога, под углом в 24°, против самого сел. Галиат, и отделен от него только

¹ В. Ф. Миллер, МАК, 1888, вып. I; Г. А. Кокеев—Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, стр. 31—38.

речкой Коми-доном. Могильные памятники этого объекта очень разнотипны и разновременны. Встречаются и скорченные погребения в грунте, каменные ящики, катакомбы, склепы. Здесь же и поздние по времени могилы с выступающими камнями, и полуподземные и надземные склепы XIV—XVII вв., и современные нам могилы с надгробными надписями. Поверхность этого могильника мало изрыта ямами. Находясь в поле зрения всего сел. Галиат и являясь похоронным полем и в последние века, этот могильник не подвергался хищническим раскопкам с целью добычи дорогих вещей, подобно тому, как это практиковалось на других Галиатских могильниках «Гуронта» и «Фаскау».

Раскопками 1935 г. почти в центре могильника на глубине около 0,5 м

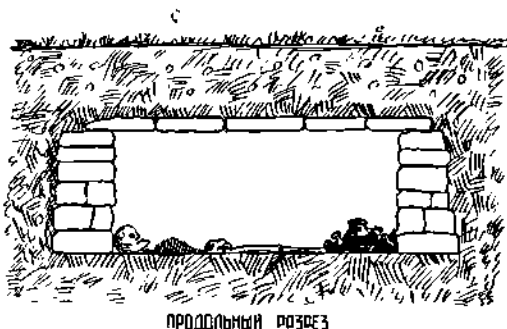
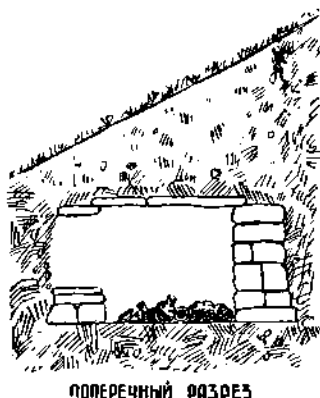
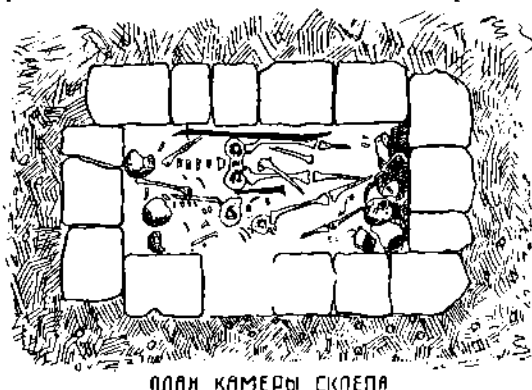

Рис. 1. Раскопки могильника у сел. Галиат (Сев.-Осет. АССР)

была обнаружена прямоугольная камера, или склеп, сложенная из толстых, грубо обтесанных плит и брусков известняка и сланцевых пород камня. Камеру покрывали массивные плиты. Кладка стен сухая. В одной из продольных сторон камеры—лаз или вход (рис. 1).

Проникшей в камеру землей и грызунами были перемещены некоторые наиболее легкие предметы, входившие в погребальный инвентарь погребения, и даже сдвинуты костяки. Это обстоятельство несколько затруднило точное определение по назначению ряда вещей, не найденных *in situ*.

Склеп содержал коллективное погребение, состоящее из трех костяков: одного женского (лежавшего первым от лаза) и двух мужских.

В ногах всех трех костяков, заполняя всю ширину камеры, находились сложенные скудно: 2 деревянных седла, 4 глиняных кувшина, из которых три имели по 2 ручки, 2 деревянных блюда на ножках, 1 деревянная чаша, остатки конской сбруи, удила, псалии, остатки колчана с 18 желез-

ными трехперыми черешковыми наконечниками стрел и другие мелкие предметы.

Хорошо сохранившиеся седла являются лучшими предметами склепа (рис. 2). Оба седла одного типа. Обломок подобного седла (задней части) был обнаружен Д. Я. Самоквасовым в 21-й катакомбе могильника Чим в 1882 г. Поразительное сходство с галиатскими седлами имеет седло на известном каменном всаднике из Бердянского уезда¹.

Кроме указанных предметов, весь могильный инвентарь составляли следующие предметы:

1) Две бляхи серебряные, штампованные, выпуклые, золоченые, орнаментированы двухрядным орнаментом из кружков и уточек (табл. 1,

Рис. 2. Деревянное седло

№ 1). Некоторое сходство имеют с бляхой из Камунты из собрания Эрмитажа (МАК, в. 8, таблица СХХV, рис. 9).

2) Девять бляшек серебряных, поясных, золоченых, с внутренней стороны заполненных пастой. К ремню прикреплялись штифтиками. Подобные бляшки, но грубее, обнаружены были И. А. Владимировым в 1898 г. в «Песчанке», катакомба № 4 («Отчет Археолог. ком. за 1898 г.» стр. 128, рис. 11, 12).

3) Восемь бляшек, подобных № 2, но, в отличие от первых, не заполненных пастой.

4) Шесть целых бляшек, «крылатых», штампованных. Очевидно, поясные.

5) Пять бляшек серебряных, золоченых.

6) Две бляшки той же техники, в виде подковок; поясные.

Аналогии этим бляшкам встречаются в Приуралье², на Кавказе³,

¹ «Отчет Археолог. ком. за 1904 г.», стр. 124,

² МАК вып. 26, табл. XXXVIII, рис. 8.

³ МАК, вып. 10, табл. XIV, рис. 10.

Рис. 3. Находки с Галиатском могильнике

были найдены подобные бляшки и в Томниковском могильнике¹, и даже в Венгрии².

7) Четыре наконечника пояса той же техники.

8) Один наконечник пояса, серебряный, с изображением фантастического зверя—грифона. Абсолютное сходство с этим наконечником имеет наконечник из катакомбы № 5 «Песчанки».

9) Две бляшки-трилистника той же техники, подобные бляшкам из Камунты.

10) Две бляшки от поясного набора, близкие бляшкам из Борковского могильника, погребение № 42.

11) Две бляшки треугольные, с глухой петелькой, аналогичные бляшкам из Салтовского могильника.

12) Двадцать три бляшки от конского набора, внутри заполненные пастой.

13) Девятнадцать блях прямоугольных, от конского набора.

14) Четыре бляхи круглые, орнаментированные, от конской сбруи.

15) Три бляхи круглые, неорнаментированные, от конской сбруи.

16) Две медные лунницы, штампованные.

17) Сорок восемь различных бус, встречающие себе аналогии во многих памятниках Северного Кавказа VI—X вв. Все они находились у женского скелета.

18) Золотая монета с двумя отверстиями, византийского императора Ираклия (610—641 гг.). Найдена была среди бус у женского костяка. Сильно потертая.

19) Сабля железная, с прямым перекрестьем у рукояти. Общая длина—90 см. Подобные сабли, слабо изогнутые, были находимы в могильниках Северного Кавказа, Кобанском, у сел. Алхасте и др.

20) Четыре железных ножа с короткими рукоятками.

21) Наконечник копья железный.

22) Два железных крючка от колчана.

23) Две железных дужки-накладки от колчана.

24) Серебряный диргем отличной сохранности. Диргем бит в Басре в 701 г. при омейядском халифе Абдуль Малеке (685—705 гг.). Диргем был найден под одним из седел.

Кроме того, были обнаружены и другие вещи, имеющие себе многочисленные аналогии среди памятников эпохи раннего средневековья.

Уже при перечислении всего могильного инвентаря даже вскользь отмеченные аналогии и параллели многим предметам среди ряда памятников Северного Кавказа, Харьковщины и других мест устанавливают ориентировочную дату галиатского погребения. Это—VI—X вв. Следует признать, что для точного определения времени нового памятника эпохи раннего средневековья имеются определенные трудности. Они заключаются, прежде всего, в том, что почти все, без исключения, объекты этой эпохи датировались не по могилам и комплексам, а в целом, причем могильники определялись только по монетам, как будто весь сопутствующий материал не вносил никаких коррективов в датировки, установленные по монетам, которые в ряде случаев функций денег уже не несли, а служили украшениями и, следовательно, уже никак не могли являться опорными точками для точного определения времени памятника³. Даты

¹ МАК, вып. 8, стр. 91, 130.

² «Отчет Археолог. ком.», 1898, стр. 133, рис. 43, 44.

³ J. Hampe l—Atlas, Taf. 112.

ряда могильников, как Чми, Камунта, Дергавс и др., определяются просто—от VI до IX вв., без детального определения отдельных комплексов или групп.

На данной стадии изучения памятников этой эпохи мне представляется необходимым не ограничиваться подобным определением, основанным только на сближении отдельных объектов. Если мы не будем пытаться по возможности точно хронологически определить каждый новый комплекс в отдельности, мы тем самым лишаемся возможности иметь твердые опорные даты для датировки и старого материала.

В инвентаре Галиатского склепа отсутствуют руководящие формы, характерные для более ранних столетий, чем VI в. Нет здесь золотых блях, украшенных альмандинами и другими цветными камнями и стеклами. Отсутствуют даже бронзовые фибулы, часто встречаемые в погребениях, вскрытых Владимировым в урочище «Песчанка», определяемых им «эпохой не ранее VI в.». Сравнение всего инвентаря с владимировским материалом убеждает в том, что наряду с некоторой близостью форм и даже отдельных деталей в вещах мы имеем и существенное различие. Оно заключается, прежде всего, в технике выполнения первой группы вещей и второй. В то время как владимировские вещи в большинстве своем—бронзовые или медные, сделанные довольно грубо, некоторые даже литые, галиатские бляшки, например,—серебряные, штампованные или тисненые, покрытые тончайшим слоем золота. Очевидно, это—дальнейшая стадия техники изготовления вещей, имеющих одни и те же функции.

Вместе с тем галиатские предметы не имеют уже той монументальности и прочности, которой отличаются инвентари «Песчанки», например катакомбы № 6, 7, 8. Среди подавляющего большинства вещей Галиатского склепа, наоборот, наблюдается вычурность форм, бутафорская пышность отделки и непрочность. Весь комплекс украшений носит черты более позднего времени.

Золотая византийская монета, чеканенная в первой половине VII в., не решает вопроса об окончательной дате погребения. Ее состояние указывает, что захоронение в склепе вряд ли могло состояться и во второй половине VII в. Сильная истертость монеты говорит о том, что она ходила по рукам, прежде чем попасть в ожерелье, а затем и в могилу, не один десяток лет. Использование ее в ожерелье вряд ли продолжалось более одного-двух десятков лет, судя по сохранившимся заусеницам у краев отверстий в монете.

Для суждения о точной дате захоронения в Галиатском склепе серьезной, очень убедительной опорой является диргем. Серебряный арабский диргем, битый в Басре в 81 г. хиджры (700—701 гг. до н. э.), без каких-либо следов использования его не по назначению, отличной сохранности, с безупречно четкими надписями на обеих сторонах, в данном случае является единственным и безусловно верным аргументом в утверждении даты захоронения. Это—VIII в. Больше того, особенность его состояния—редкая сохранность—позволяет с полной категоричностью утверждать, что захоронение в склепе состоялось в первой половине VIII в. и никак не позднее, ибо трудно себе представить, чтобы тонкий серебряный диргем мог пропутешествовать почти от Персидского залива до Северного Кавказа в течение долгого времени, прекрасно сохранив при этом все детали чеканки. Разумеется, в отношении всего вещевого комплекса нельзя придерживаться такой категоричности. Вероятнее всего, весь инвентарь бытовал и в VII в.

Вне всяких сомнений, мы имеем дело с семейной гробницей. В этом неоспоримо убеждает опыт систематических исследований Верхнесалтовских могильников, родственных Северокавказским этого же времени.

Было бы неправильно полагать, что все три покойника были положены одновременно. Совершенно очевидно, что первым в склеп был положен мужчина с саблей и последней—женщина. Но вряд ли эти моменты были отделены друг от друга большим промежутком времени, чем одно-два десятилетия.

Выше уже было установлено, что инвентарь Галиатского склепа связывается с многочисленными памятниками Предкавказья и Украины, объединяемыми эпохой VI—X вв. Известно, что рядом исследователей этот круг памятников связывался с аланами, бытование которых в Предкавказье и Придонье отмечено и историческими свидетельствами.

Но вряд ли мы будем правы, если весь этот очень широкий круг памятников будем приписывать аланам как единому в этнически-языковом отношении народу. Еще в древности (Аммиан Марцеллин) подвергалось сомнению племенное единство аланов. Вероятнее всего, что еще до подчинения хазарам это был конгломерат различных сарматских племен, среди которых только в определенных районах аланский элемент превалировал, что и дало повод раннесредневековым писателям отмечать аланов большими массами и на значительной территории. На Северном же Кавказе аланский элемент безусловно господствовал, и очень долгое время.

Разумеется, правы исследователи, призывающие быть осторожнее и не искать аланов, на основании только сходства археологического материала, ни в Тамбовском, ни в Вятском районах. Последние данные говорят о том, что родственный Салтовскому и Северокавказскому материал имеется даже в Средней Азии. Конечно, об этническом родстве населения столь отдаленных областей не может быть и речи.

Территориально широкое распространение богатого ассортимента материала и самой техники изготовления археологического материала не будет казаться столь странным, если мы учтем очень оживленные политические и торговые международные связи племен и народов Юго-восточной Европы, ставшие особенно заметными с момента возвышения Хазарской державы. Только в таком аспекте мне представляется правильным разрешение аланской проблемы. За всем этим обильным и разнообразным материалом из самых отдаленных областей мы не можем рассматривать аланов, как этнически чистое, определенное имя, независимо от того, какое понятие мы будем вкладывать в самое имя аланы—«человек», «люди», «народ» и т. д.

Но применительно к Северному Кавказу эта категоричность отрицания обязательной связи археологического материала с этносом, мне кажется, неуместна. Увлечение в этом направлении может оказаться просто вредным и привести к тому, что мы обескровим богатое прошлое многих народов, ныне населяющих Советский Союз, и раньше всего—осетин, родство которых с аланами как будто считается бесспорно установленным.

С древнейших времен идут исторические справки, регистрирующие бытование аланских племен в предгорьях Северного Кавказа.

По Прокопию (современнику Юстиниана), аланы занимают страну, которая простирается от Кавказского хребта до Каспийских ворот. Подобное же свидетельство мы находим и в письме хазарского царя Иосифа (960 г.).

Как известно, через аланов, занимавших центральное положение на Северном Кавказе, осуществлялись связи с Византией авар, хазар и других

народов¹. Аланы были той реальной силой, с которой приходилось считаться и Византии, и арабам, и хазарам. И если даже под именем аланов разуместь множество соседственных «племен, покоренных коренными носителями этого имени, которым обычно приписывается иранское происхождение и прямыми потомками которых до сих пор принято считать современных осетин (оссов)»², то и тогда мы должны будем признать, что местонахождением этих коренных носителей имени алан будет являться срединная часть предгорья Северного Кавказа вообще, территория Северо-Осетинской АССР, в частности.

Особенно важно отметить, что здесь, как нигде, на определенный археологический родственный материал прочным слоем ложатся свидетельства средневековых писателей. Нельзя не учитывать также и большую работу, проделанную В. Ф. Миллером по языковому материалу³.

Все это, вместе взятое, согласно говорит о том, что в эпоху VI—X вв. н. э. срединную часть предгорья Северного Кавказа, в частности, территорию Северной Осетии, населяли аланские племена.

Возвращаясь к галиатскому коллективному погребению в склепе, я считаю возможным рассматривать последнее, как погребение семьи аланского воина, могильный инвентарь которого несет на себе отражение тех международных связей аланских племен с Югом (Византия) и Востоком (арабы), которые особенно характерны для периода расцвета Хазарской державы, в состав которой давно уже входили многие аланские племена.

¹ М. И. Артамонов—Очерки древней истории хазар, 1937, стр. 25—28

² Б. Е. Деген-Ковалевский — Археологические работы на новостройках, т. II, стр. 28.

³ В. Ф. Миллер—Осетинские этюды, томы I—III.